

КИНО: ПРОБЛЕМЫ, НОВОСТИ

СИННОЙ ЧУРИКОВОЙ мы встретились в работе над фильмом «Начало». Так случилось, что для меня, сценариста, эта картина стала актерским дебютом — я сыграл там роль режиссера, который находит, «открывает» Пашу Строганову и делает ее Жанной д'Арк. Таким образом, я видел работу Чуриковой вблизи, на съемочной площадке. Именно так, работу. Без всякого шаманства, без отрешенности во взоре, без таинственных уходов в «творческую лабораторию», где «создается образ», «лепится характер», без изнурительных приставаний с расспросами о смысле и сверхзадаче роли, без капризов и высокомерного премьерства.

Это была работа профессионала, использующего все многообразие средств своего ремесла — опыт, навыки, память, восприимчивость. Впрочем, это только профессиональный минимум, которым Чурикова владеет виртуозно. Есть еще и другое, главное, и для меня — таинственное. Во время съемок, следя за Инной, я не мог уловить, как ни старался, тот момент, когда происходило чудо **ОДУХОТВОРЕНИЯ** вымысла.

Я думаю, можно говорить о полной сопричастности Чуриковой наряду с Глебом Панфиловым и Евгением Габриловичем к авторству этого фильма в целом.

В ролях Тани Теткиной, Паши Строгановой и Жанны д'Арк Чурикова играет разные эпохи, обстоятельства, характеры, жанры, а как отчетливо знакомы мне черты реально существующей актрисы, давнего товарища: доброта, застенчивость, искренность, лиризм, жизнерадостность, готовность прийти на помощь и рядом — замкнутость, строгость, внимательный, изучающий взгляд.

Я нахожу, что это личное, идущее от самой актрисы, объединяет всех ее героини. И всякий раз это конкретные характеры, выращенные на таком прочном основании, как народность, жизнелюбие, оптимизм. Это не лирические простутки, милые, трогательные, достоверные, а, напротив, фигуры крупные, резкие, настойчиво утверждающие свое миропонимание. Наконец, что замечено всеми, героини Чуриковой и творчески, и человечески талантливы.

Талант такого своеобразия требователен. У него особые отношения и с драматургией, и с режиссурой, и со зрителем. Не потому ли, что его своеобразие разрушает привычный зрительский стереотип, согласно которому героиня всегда красива, существо избранное и в общем-то без особенных сложностей и противоречий, легко доступное для восприятия? Думается, искусство Чуриковой вносит в наше кино нечто совершенно новое, самостоятельное, и в этом заслуга актрисы.

Сегодня актриса думает о «большой Жанне». Хочется, чтобы ее мечта осуществилась.

ЛЕНИНГРАД.

Ю. КЛЕПИКОВ, сценарист.

ВОТ ТАК это все началось. Я попросила написать об актрисе Инне Чуриковой сценариста Юрия Клепикова.

Клепиков написал интересно. И все-таки чего-то в этом материале, на мой взгляд, не хватало. Не хватало, наверное, перспективы, протяженности во времени. Настоящий путь актрисы для него начался с фильма Глеба Панфилова «В огне брода нет» и четко огранен тремя ее ролями. А так ли это?

Так. Безусловно. Об этом пишут сейчас решительно все. Родилась актриса. То есть она была — и все же она родилась. Мы ее знали — и не знали. Она играла — и как будто не играла. Сложные парадоксы. Одним словом, ее «открыли».

Побывав на обсуждении фильма «Начало» и поговорив с актрисой, я была немало поражена, убедившись, что все бывшее до «Брода» она сама не только зачеркивает, но, пожалуй, даже ненавидит. Да, я просто не подберу другого слова — она говорила о тех своих прежних ролях с таким ожесточением, что я поняла: она для нее — табу. По ее словам, те роли мешали ей прорваться к Тани Теткиной, к Паше Строгановой, к Жанне д'Арк, наконец. И только теперь, когда она в своем творчестве воздвигла такой прекрасный и несокрушимый бастион из этих трех ролей, только теперь она наконец навсегда отгородилась от прошлого. От прошлого Инны Чуриковой — актрисы на смешных ролях.

Не знаю почему, но мне все время хотелось спорить с ней.

Она в чем-то и соглашалась со мной, но в основном, наверное, нет. Любопытно рассказывала она о восприятии обоих фильмов зрителем. Говорила о том, что картина «В огне брода нет» многих оттолкнула от себя и что она даже склонна к этим многим понять: человека, естественно, тянет к красивому. И что вторая картина, «Начало», в чем-то примирила ее со зрителем. А если не до конца? Что ж, надо делать третью картину. Понимать искусство учить только искусство.

Так, в нашем разговоре случайно мелькнуло имя Натальи Васильевны Смирновой, учительницы биологии, некогда классного руководителя Инны. Кажется, ей не во всем понравился фильм «Начало».

Нет, почему же, напротив, я очень люблю Инну как актрису. Она талантливый человек. Другое дело, что я не могу на нее смотреть так объективно, со стороны, как другие зрители, потому что знаю ее со школы. Мне любопытно наблюдать, как то человеческое, что я в ней знаю, — а она очень открытая,

УВИДЕТЬ ВОВРЕМЯ!

очень искренняя, откровенная во всем решительно, — как это человеческое проявляется в ней как в актрисе. Мы действительно с Инной как-то говорили о том, что в ее Паше мне недостает конкретности. Я не вижу ее труда, ее работы, того, что в конце концов составляет ее жизнь, на что она живет, если хотите. Не знаю, может быть, так задумано было режиссером, сценаристами?

Я слежу за работами Инны с той первой роли, которая мне очень понравилась, — в «Старшей сестре».

— Где вы взяли эту актрису? — с таким примерно эмоциональным возгласом обратилась ко мне Татьяна Васильевна Доронина, когда сыграла свою первую сцену с Чуриковой, — рассказывает режиссер Георгий Натансон. — Она прямо-таки в изумление пришла. А надо сказать, что Татьяна Васильевна не из самых «легких» на общение с партнером актеров. Здесь же контакт между Дорониной и Чуриковой установился сразу.

Да что там говорить! Все мы были заморожены удивительной и полной поглощенностью ролью, такой крошечной по объему и занимавшей так мало места в фильме. Сразу стало ясно, что эту актрису нельзя снимать привычными кинематографическими «кусками», что ее нужно снимать только на одном дыхании, одной сценой, иначе можно расплескать вот эту поразительную актерскую цельность. Так мы и снимали.

Никогда не забуду, как в сцене в общежитии она ела курицу. Просто ела курицу — и смотрела своими огромными глазами на Надю — Доронину.

Репетировали мы с ней минимально. Репетировать, обговаривать, готовиться — все это было как-то лишнее и даже вредно. Единственное, что ей было нужно, — это абсолютная полная тишина в павильоне. И тогда она играла так, что мы все порой забывали, находимся ли мы в павильоне, снимаем ли кино. Казалось, мы в театре, и мы — зрители, и смотрим на сцену. Кста-

ти, помню, Доронина тогда еще хотела в театр ее перетянуть...

Но, может быть, режиссер говорит и думает так об актрисе именно сейчас, с дистанции двух ее больших ролей? А ведь фактически это свидетельство не его одного, но еще и такого мастера кино и театра, как Татьяна Доронина.

Режиссер отвечает — нет. Он настаивает на том, что и он, и все тогда видели в Чуриковой незаурядную актерскую индивидуальность.

— Ну как же, способная, очень способная, — рассказывает актер Евгений Леонов. — Она занималась у нас, в драматической студии при Театре имени Станиславского. Потом как-то след ее потерялся — так часто бывает в нашей актерской среде. Кажется, она играла в Тюзе. А в работе мы с ней встретились на картине «Три дня три». Актерам здесь было нелегко: играть и гротеск, и эксцентрики, и почти фантастику, а за ними — вполне реальное жизненное содержание: то есть соединить почти несоединимое. И все мы стремились к этому по мере сил. И вот тут, в нашей общей совместной работе, я понял, что у этой актрисы есть одна особая черта — за формой она всегда видит суть. Понимаете — за формой, самой неожиданной, самой эксцентрической или гротесковой, называйте как хотите, видит жизнь. Даму. То, чем живет человек, одним словом.

Вы спрашиваете, удивила ли она меня в фильме «В огне брода нет».

Да, удивила. Но не талантливостью — о том, что она талантлива, я знал. Удивила другим. Как бы это сказать? В жизни Инна симпатичная, милая, обаятельная. В фильме она угловатая, угрюмоватая, какая-то резкая по всему своему внешнему облику. Я понимаю, что она стремится идти от этой неприязни внешнего облика, его жесткости к мягкости и щедрости души. На такой резкий путь не вся-

кая актриса отважится.

Вот этим она меня удивила. А талантливостью — нет. Еще тогда, когда мы с ней вместе снимались, я очень хотел, чтобы она у нас в театре поработала.

Я долго не могла понять, почему мне все время хотелось здесь, именно в этом пункте, в отношении к прежним ее работам, спорить с актрисой. Почему хотелось ей самой доказать, что она была раньше, и что никакой актер не может обрести свою одну-единственную тему, не пошарив себя таким, другим, третьим, не ощутив в себе человеческого и творческого разнообразия.

Я могла понять, когда такое резкое «рассечение» актера на две половины производят другие, не видя связи этих половин, более того, враждебно противопоставляя их друг другу. Но если такое делает сам актер? Почему?

Неожиданно мы заговорили о Жанне.

Ну, а если бы Паше Строгановой не предложили сыграть Жанну д'Арк, как бы она доказала себе и всем себя? Как бы тогда она доказала незаурядность свою, человеческую талантливость? И не слишком ли Жанна сильно доказательство для Паши Строгановой?

Я не буду дословно пересказывать того, о чем и как мы спорили с актрисой. То мы говорили о девчонках тридцатых годов, простеньких и непритязательных, которые ушли в войну и обрели бессмертие. («И вот Паша такая»). То мы говорили о том, что мужество ведь необходимо и в самой повседневнейшей повседневности. Чтобы сказать человеку, который рядом, все, что ты о нем думаешь. Чтобы уйти от любимого человека, если стало ясно, что он слаб душой и предаст и себя, и тебя. Чтобы иметь силу отвернуться от друзей, если ты понял, что они не друзья. Чтобы быть честным перед самим собой и перед всеми.

Да, надо иметь великое мужество обрести себя в жизни, вырваться из того, что не твое, что сковывает тебя по рукам и ногам, и сме-

ло идти по обретенному пути, каким бы трудным, каким бы тяжелым он ни был.

И чем больше мы говорили и спорили и не соглашались, тем больше, я понимала, что передо мной редкий представитель человеческой породы, именно человеческой, а не только творческой. И я не знаю, как это назвать. Но, пожалуй, можно было бы применить слово «максимализм».

И вот когда я это поняла, то все стало для меня проясняться. И отношение Чуриковой к своим прежним ролям, и ее отношение к ролям нынешним, и очень большое нежелание говорить об этих нынешних ролях («все сказано на экране, а словами ничего не объяснишь, да и не надо объяснять»). И, наконец, самое главное — то, что она сейчас в ожидании следующей большой работы. И во имя нее бережет и силы, и слова, и все, что есть в ней дорогого.

Теперь, пожалуй, самое время сказать то, о чем я не хотела говорить раньше и что, возможно, будет звучать здесь несколько запоздалым признанием: я не принадлежу к самым последовательным сторонникам того, что делает Чурикова в фильмах «В огне брода нет» и «Начало». Отлично помню свое первое и самое, пожалуй, сильное ощущение после просмотра «В огне брода нет». Это была... растерянность. То есть я все чувствовала — и неожиданность фильма, неожиданность его социальной и философской концепции, и его резкую, грубую силу, и его эмоциональную агрессивность, и яростный натиск талантливости всех, кто его сделал. Может быть, от этого натиска и была растерянность?

Прошло два года. Появился фильм «Начало». И снова я вышла из зала с определенным чувством смятенности. И снова стала пытаться «раскручивать» это чувство. И случилось совсем странное — теперь, уже задним числом, резкий натиск ленты «В огне брода нет» казался оправданным и временем, и историей, и определенностью социального и временного типа. Здесь же, в «Начале», сочленение Паши и Жанны выдвигало лишь изысканнейшим, тончайшим и сложнейшим кинематографическим приемом.

А главное — думалось: почему у бесспорно талантливой актрисы так все странно складывается? Какое ее достижение осознается многими только на определенной дистанции лет. Только когда проходят годы. Годы, как любят писать журналисты, для актрисы кино «необратимые». Лично мне виделась эта проблема как чисто творческая, уходящая всем своим существом в особую природу дарования Чуриковой. Мне виделась проблема и теоретическая, то есть все то, о чем говорилось в начале статьи, когда мы порой так произвольно делим путь актера на удачу и неудачу, на открытия и провалы, когда не умеем или не хотим увидеть тенденцию, не умеем быть к актеру бережными и готовы «разнести его в дух и прах» за первую попавшуюся плохую роль.

Вот так мне все это виделось. Как чисто творческая проблема.

А что если не «чисто творческая»?

И поначалу хотелось как бы укрыться за мыслями разных людей, знающих Чурикову, отойти в сторону, причем да, не скрою, мне хотелось привести здесь высказывания и людей, работавших с ней до картины «В огне брода нет», чтобы восстановить цепь, линию движения таланта. Но потом я поняла, что ни укрыться, ни отойти в сторону здесь просто нельзя. Надо высказать и свое отношение, свою точку зрения на данный, так сказать, вопрос. Я употребила здесь несколько протокольное слово, потому что, если читатель заметил, в этой статье говорится не столько о творчестве Чуриковой, сколько вокруг него.

И я сформулировала наконец это отношение, эту точку зрения. Все выводы, которые сделала для себя из разговоров с актрисой, с другими людьми, кинематографистами и некинематографистами, знающими ее только по экрану и не только по экрану. Все эти люди, кто бы они ни были, аргументируя, вспоминая, обрамляя, называют одно слово — талант. Его в самое разное время и самые разные люди видели.

И вот я все свои выводы сформулирую всего в двух словах.

Увидеть вовремя.

В. ИВАНОВА.